

21 ИЮЛ 1966

Нировская Правда
гор. Киров

В ГОСТЯХ У АКТРИСЫ

МАСТЕРА
ИСКУССТВ

Мы сидим за низким столиком друг против друга в креслах. Между нами маленький язычок пламени — цветок целлозии. Неожиданно приходит в голову такое сравнение — этот закрученный яркий цветок точь-в-точь гребень гордого и надутого дымокского индюка. Сухаревская соглашается. Да, похоже. Вместе рассматриваем дымокские игрушки. Краски безудержно веселые, сложная простота. Лидия Павловна говорит: «Этот цветок привык ко мне, жаль его оставлять».

В фразе ни капли нарочитости. В том, что цветок для нее живой, проглядывает ее основная черта — духовная щедрость. Чтобы сказать так, не надо знать ее лично, достаточно знать ее творчество. Впрочем, и здесь добавление, если вы хорошо знаете актрису Сухаревскую, то и человек Сухаревская не покажется вам незнакомым. Не потому, что играет себя. Гораздо больше она рассказывает о своем герое от себя, синтетически преломляя свое «Я», нравственное и творческое, свое отношение и понимание. Говорят, понять — простить. Сухаревская понимает не прощая. Не впадая в натурализм, она не дает спуску своим героям. Клер Цеханасян — жертва человеческого мелкосты, денег. Все свои

миллионы готова она отшвырнуть с веселым презрением, если бы только Илл смог сказать вдруг: «Я любил тебя всю жизнь». Нечего больше желать Клер, все можно купить. А она — само отчаяние, циничное и такое искреннее, человеческое. Миллионы дали выход безудержу Клер, но где-то далеко в глубине души она юная, смиренная, нежно любящая, шестнадцатилетняя. Сухаревская играет не абстрактную в общечеловеческом смысле

понимаемую женщину, но дочь своего класса, своей нации. — Не умею я, — говорит Сухаревская, — анализировать своих героинь. У меня нет ампулы, нет любимого жанра. Есть один жанр — жизнь. Показать характер в его развитии, проследить эволюцию чувств, настроений, эволюцию образа — вот цель. Но главное — естественность. И в высший накал трагизма может ворваться смех, грубо, непрощенно. Так бывает в жизни.

Можно быть добросовестным и талантливым фотографом, передавать движения чувств, не добиваясь до сути. Сухаревская проникает в суть. Ей надо, чтобы ее поняли. Такая она на сцене и в жизни. Она всегда глубоко убеждена, что если не понята, не зритель виноват, а она где-то «задрезжала».

Сухаревская не хочет, чтобы зрителю было с ней легко, не разжевывает свои роли. Много давняя, она требует одного: работы мысли и сердца, а не созерцания.

Она много знает, много понимает. Разговор с собеседником ее интересует не своей легкостью, но наполненностью. В этом смысле с ней по-хорошему трудно. Для нее всегда самое важное — право самостоятельной мысли. Это черта таланта, а талант начинается с дей-

ственной мечты. О себе она говорит, что никогда не ждала, открыв рот, как чего-то полагающегося само собой, счастья. Действие, трудный поиск — вот кредо, мечта в движении.

Видимо, не стоит перечислять и анализировать работы Сухаревской. Это делали много раз, часто тонко, умно и всегда взволнованно. Иначе нельзя. Сухаревская тревожит, если надо, даже «тащит за жабры». Должно быть больно. Если зритель не волнуется, если ему не больно, значит, не получилось, не состоялось.

Посмотрев Сухаревскую в «Жив человек», вы скажете, что она предназначена именно для таких ролей. Милое вологодское оканье, неназойливость, чисто русская доброта. Она не врывается в душу, но входит с ласковой улыбкой, врачующа наболевшие раны.

Увидев ее Хизию («Дом, где разбиваются сердца» Шоу), Бетти (в «Опасном повороте» Пристли), Элли (в «Дороге в Нью-Йорк» Л. Маллигина), скажешь, что это тоже ее роли.

Американка или французенка, она, отразив в своем образе единственно характерное, типичное, все же сознательно остается Сухаревской. Она не хочет, как жидкость, принимать форму сосуда.

Искусство для нее не есть сфера отдохновения, но область проникновения. Слишком энергично актриса любит жизнь, чтобы просто копировать ее. Наоборот, пафос жизни и ее быт, ее трагизм и смешную трогательность несет она в искусство. Чтобы жизнь становилась лучше, чище, светлее. Высшей похвалой для большого мастера звучит определение «у него есть чувство меры». О Сухаревской этого говорить не надо. Бывают такие моменты, этапы, когда критерии перестают существовать. Порой в едва слышном, разбираемом по шевелящимся губам шепоте актрисы неизмеримости трагизма больше, чем в громком вопле отчаяния. Это тоже чисто ее, Сухаревское.

Она большой, талантливый ху-

дожник. Но у нее нет высоты, потому что, говоря о высоте, имеют в виду уже достигнутый предел. Ее путь — восхождение.

И, главное, что она идет не в одиночестве. Достаточно прочитать ее рецензии о работах коллег, послушать ее отзывы о них. Она анализирует и может искренне восхищаться и говорить «это великолепно, это по-настоящему» и учиться у них.

Она смеется над бытующим категорическим мнением: «Молодежь нынче не та пошла, раньше лучше была».

— Мы ангелами не были тоже, — говорит Сухаревская, — а молодежь у нас всегда была хорошей, целеустремленной. Отсев, конечно, не в счет. Отсев — это искатели легкой жизни, те, кто начинает с мысли о карьере, о славе, выгодной профессии. Это представители духовного мещанства, которые жили-были во все времена.

Сухаревская играет, живет, мыслит по своим законам, но ее законы современные и современные. Может быть, самым главным — энергией, дееспособностью — напоминает она Антонину из своего спектакля «Несущий в себе». А в повседневности новые планы, много черновой работы, ждут своей очереди «грязновики» рукописей.

И еще самое затанное. «Очень хочется сыграть что-нибудь в Шекспире», — говорит она. Вечно волнующей, всегда современный Шекспир. Из своей дали он шагнул в двадцатый век. Ей хочется сделать шаг к нему навстречу.

Беседа наша подходит к концу. Ощутимо доброе пожатие. Лидия Павловна не прощается. «Еще обязательно увидимся», — говорит она. И это тоже черта ее жизнелюбия, активности. Не прощается она со зрителями, со своими друзьями и героями. На каком-то этапе снова ждет соприкосновения, взаимодействия. А если так, то, значит, до встречи.

Лидия СМЕРНОВА.

На снимке: Л. Сухаревская в спектакле «Визит дамы».